
УДК 81'1
ББК 81.001.2
А 95

Ахиджакова М.П.

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

Хавдок А.Н.

Аспирант кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

**Семантическое поле отражения ментальности адыгов
в языковом пространстве А. Евтыха
(Рецензирована)**

Аннотация:

Характеризуется система вербальных значений, которая соотносится с социо- и этнокультурной компетенцией носителей языка. После рассмотрения интерпретации фрагмента действительности в концептуальной системе дается характеристика формирования смысла вербальных выражений о построении определенной «картины мира». Приводятся интерпретации разных концептуальных структур, входящих в одну концептуальную систему, которая может «выбирать» интерпретацию, соответствующую интуиции носителя языка, дается построение концептуальной модели, обеспечивающей «истинную» информацию для определенного фрагмента действительности.

Ключевые слова:

Интерпретация, ментальность, концепт, семантическое поле, языковое пространство, иллюкутивное содержание, концептуальная модель.

Akhidzhakova M.P.

Doctor of Philology, Professor of General Linguistics Department, Adyghe State University, e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

Khavdok A.N.

Post-graduate student of General Linguistic Department, the Adyghe State University, e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

**Semantic field of reflection of the Adyghes' mentality
in A.Evtykh's language space**

Abstract:

The paper discusses a system of verbal meanings which corresponds to social and ethnocultural competence of native speakers. Following the interpretation of a fragment of reality in conceptual system, the author shows the formation of a sense of verbal expressions about construction of a definite «world picture». Interpretations of the different conceptual structures belonging to a conceptual system which can «choose» the interpretation corresponding to intuition of the native speaker are given. Creation of the conceptual model providing the «true» information for a certain fragment of reality is described.

Keywords:

Interpretation, mentality, concept, semantic field, language space, illocutive content, conceptual model.

В интерпретативном режиме система вербальных значений соотносится с социо- и этнокультурной компетенцией носителей языка, концептуальное наполнение которой является одной из определяющих черт менталитета народа, поскольку именно в языке, в системе характерных для него стереотипов, образов, эталонов репрезентировано мировидение и миропонимание носителей языка, осознаваемое в контексте социо- и этнокультурных традиций.

Путем комбинаций языковые выражения могут отражать в сфере языка любые концепты и отношения между ними. Наиболее фиксированными в сознании языковыми единицами являются слова и словосочетания. Слово существует в мозгу человека в виде концепта, а заложенные в нем семы отражают бесконечное множество свойств предмета или явления реального мира. Семантическое значение, таким образом, служит единственным способом выражения концепта. Необходимо отметить чрезвычайную подвижность семантического значения любого, в принципе, слова как элемента бесконечного процесса мышления – поскольку бесконечна отражаемая им действительность – ибо оно (значение) постоянно «подстраивается» под эту реальную действительность с целью адекватного ее отражения, причем «семантическая подвижность» проявляется лишь в контексте других слов.

Слова и концепты, как известно, не имеют однозначного соответствия: одним и тем же словом могут быть выражены разные концепты (омонимия и полисемия), в то же время разными словами может быть выражен один концепт (синонимия). В силу того, что в словах фиксируются результаты познавательной деятельности человека, соотношение «концепт – слово» может быть определе-

но как когнитивное [1: 79].

Каждый концепт, выраженный вербальными средствами, имеет свою собственную семантическую форму, детерминированную его семантическими значениями, которая характеризуется этнокультурной обусловленностью, поскольку в ней выражены все коннотативные, модальные, эмоциональные, экспрессивные, прагматические и иные оценки, все индивидуальное, свойственное данному языку.

Различение вербальных выражений и сопоставление их с реальными ситуациями осуществляются посредством определенной системы представлений человека о мире – его концептуальной системы, причем смысл языковых выражений оказывается «вплетенным» в определенную концептуальную систему, отражающую познавательный опыт ее носителя. «Существенный результат такого подхода, – замечает Р. Павиленис, – выявление необходимости ссылки на фактор концептуальных систем при анализе смысла языковых выражений. Такая ссылка... является чрезвычайно важной для выявления связи языка и мира, определения критериев осмысленности языковых выражений, раскрытия соотношения мнений и знаний и перехода от одного к другому при построении картины мира. Учет фактора концептуальной системы как постоянно присутствующего контекста употребления и понимания языковых выражений существенен и для решения множества практических задач моделирования мыслительных процессов» [2: 120].

Интерпретация фрагмента действительности в концептуальной системе – это, прежде всего, конструирование информации об определенном мире или «картине мира», иными словами, – формирование смысла вербальных

выражений о возможности построения определенной «картины мира». Конструирование концептуальной системы отражает предпочтение, отдаваемое в данной системе определенному концепту или определенной их структуре, поскольку они, выражая суждение носителя языка, служат ориентационной основой его отношения к действительности. «Концепт, – уточняет Р. И. Павиленис, – может рассматриваться как интенциональная функция от возможного мира к его объектам. Построение концептуальной системы есть... вместе с тем и построение концепта – функции, воплощающей выбор, предпочтение, отдаваемое в системе определенному концепту или определенной концептуальной структуре в качестве мнения носителя языка – к какому бы аспекту восприятия и познания мира оно ни относилось» [2: 239 - 240].

В этой связи необходимо заметить, что если соотносимая с конкретным языковым выражением концептуальная структура интерпретируется посредством множества ее концептов, – значит, это выражение понимается носителем языка как носителем данной концептуальной системы. При этом одно языковое выражение может получить в концептуальной системе несколько интерпретаций, то есть интерпретируется разными концептуальными структурами, входящими в одну концептуальную систему, которая может «выбирать» интерпретацию, соответствующую интуиции носителя языка. Основываясь на знании смысла языковых выражений и контекста их употребления, носитель языка, распознавая намерения других носителей, может реализовать тот или иной иллюкционный потенциал, то или иное конкретное иллюкутивное содержание употребляемых языковых выражений.

Бесспорно, что содержание базовых концептов значительно объемнее, чем содержание одноименных языковых сущностей: их осознание распространяется по всей идеографической (тематической)

сфере, включающей разноименные обозначения «родового» понятия.

Наличие безусловной связи идеографически организованных языковых выражений с концептуальной системой позволяет нам рассматривать вербальную идеографическую организацию в качестве концептуальной модели, содержащей все знания и весь ценностный опыт, накопленный данным социумом. Эта модель отражает посредством семантической формы концептов, детерминированной их семантическими значениями, ментальную характерологию и этноментальный мир носителя языка как носителя концептуальной системы, поскольку этническая специфика мышления существует и отражается, как отмечает И.А. Стернин, «в некоторых национальных стереотипах мышления, ... а также в наличии специфических национальных понятий... Национальная специфика мышления производна... от реальной действительности...» [3: 30].

Построение концептуальной модели является селективным процессом, обеспечивающим «истинную» информацию для определенного фрагмента действительности, фактов и событий; при этом концептуальная модель как бы сохраняет мысль «открытой» предстоящим возможностям.

Наряду с предметными концептами, имеющими прямые соответствия среди элементов реальной сферы, нами включаются в концептуальную модель также отвлеченные концепты, отражающие переход к скрытым связям реального мира. Предметные и отвлечённые концепты находятся в концептуальной модели в структурном единстве.

Концептуальная модель является, по сути, этнокультурной репрезентацией концептуальной формы мысли представителя того или иного лингвокультурного мира, что наглядно проявляется при анализе концептуальных инвариантов и их переводных (т. е. в иной «вербальной упаковке») вариантов в контексте речемыслительной деятельности.

Поразительно богатство языка и выразительно-поэтические особенности повести «Зы бзыльфыгъэ итхыд» языкового сознания А. Евтыха. Это название одни переводят как «Судьба одной женщины», другие как «История одной женщины», а было бы вернее назвать «Сказание об одной женщине», но поскольку в науке утвердилось название «Судьба одной женщины» и авторского перевода нет, мы будем придерживаться сложившейся традиции.

Героиня повести Щаща, узнав о связи мужа с другой женщиной, решила, что уйдет от него; но сразу пришли сомнения – а как дети? Они же потом ее будут упрекать, что оставила их без отца? «Пусть так говорят, пусть еще что-то пообиднее услышит», все равно «уйдет», слово оформлено в третьем лице – она уйдет («иклыжьышт»). Слово одновременно помогает героине «рассредоточить» ситуацию. Но оно отстраняет героиню от самой себя, перенося решение вопроса от нее вроде бы на другую личность. Щаща советует себе же в третьем лице: «сыда, сиклыжьыштмэ, лоф пыльа, клэлитлумэ алапэ убыти, ищыжь, «секлыжьы» лори лым макъэ фегъэлу» (Зы бзыльфыгъэ итхыд. С. 3) – Что тут такого, уходишь так уходи, возьми двух деток своих за ручки, уведи, «ухожу» – скажи, чтобы передали мужу (Судьба одной женщины. С. 3). (Здесь и далее перевод наш М.А.).

Здесь на первой же странице – сложный психологический текст, в котором автор показывает, как решительное стремление героини уйти от неверного мужа сменяется окончательным убеждением в том, что это совершенно невозможно. Аргументов в защиту этой идеи у нее два – во-первых, любит, это видно из взволнованного ритма внутреннего монолога; во-вторых, она апеллирует к общественному мнению, ищет в нем поддержки в верности своего решения. «Дунаем хульфыгъэу тетмэ ар анахъ лаеу, анахъ шэнычъэу, анахъ зэфэнчъэу сэ сэло шъхам,

арэу щымытыкъомэ?» (Зы бзыльфыгъэ итхыд. С. 3). – «Хотя я и говорю, что он самый некрасивый, самый взрывной по характеру, самый несправедливый из всех мужчин, которые живут в дунее, – может, он не такой?» Щаща хочет себя убедить в том, что он в самом деле не такой, и упрек не в его адрес, а в свой. И этот упрек – сомнение передается не только в ритме, но и в том, что одно общее качество мужа она разбивает на несколько с повторяющимся компонентом «анахъ» («самый»), что создает не только замечательный психологический рисунок, но и столь же замечательную стилистическую формулу.

Ошибки или недостатки она хочет найти именно в себе, а не в нем, и это тоже подчеркивается как внутренним речевым ритмом, так и яркой стилистической окраской: «анахъ лаеу., сэ сэло шъхам». В этой формуле есть одна специфически вербализованная, не сразу выделяемая, весьма содержательная языковая единица: «сэ сэло». Автор мог написать «сэло», и это тоже выразило бы мысль, но закономерно использовано местоимение «сэ» («я»), оно подчеркивает персональную ответственность ее за то, что может случиться. Часто «сэ» в фразовой конструкции в адыгейском тексте употребляется без необходимости («сэ еджанлэм сэкло» (я иду в школу), ср. – «еджанлэм сэкло») и так передает полную персонифицированную и действенную информацию. Но в тексте Аскера Евтыха данная фраза без «сэ» не имела бы столь яркую эмоциональную окраску, какую это местоименное слово сообщает всему приведенному нами предложению.

Тонкие стилистические и ритмико-интонационные переходы обеспечивают раскрываемые психологические процессы в сознании и поведении героя ясно выверенной объективностью рассказа, полнотой и законченностью духовно-нравственного события. Они образуют разный статус в зависимости от степени напряжения несобственно-прямой речи и

мысли, от того, как и каким образом герой может прийти к важному (не только логическому) словесному, речевому заключению. Весьма любопытна история, когда бросивший Щащу муж вернулся домой, но не один, а с новой женой, тогда, когда ему стало плохо.

Диалоги при этом – сначала с бывшим мужем, потом с его новой женой – воссоздают облик чрезвычайно организованной – психологически и нравственно – личности Щащи. Нет надобности анализировать все эти диалоги – они насыщены и в высшей степени напряжены. Репрезентативны отдельные фрагменты: в них самое главное то, что Щаща (не специально), а по своей ментальной – адыгской особенности не может себя вести не так, как это велит закон предков.

Когда-то муж оставил ее, он же оставил и другую женщину в присутствии первой, чтобы фактически спасти свою шкуру. Щаща поняла, что ее «соперницу» постигло то же самое несчастье, что и ее самую. Но не поэтому Щаща приютила ее, ухаживала за нею, что сама была слаба, – а потому, что так требовал закон ее предков: помочь тем, кто слабее тебя, кто нуждается в твоей поддержке. Следующий их диалог доподлинно фиксирует два противоположных нравственных полюса: это и выливается в контрастной конструкции их диалогической речи. Например: «– *Немец прибыл, – новостью принесла Щаща событие. – А где он?* (то есть, муж – М.А.), – *спросила женщина* (то есть новая жена Хатажука – М.А.) – *Сейчас это не так важно, и он ушел. – Как это не так важно, говорит? – растерянно сказала больная женщина, – Не ушел, а сбежал. Скрылся. Не мужчина он... Слышно, это грохот танков? О, боже, что теперь будет, что нас ждет? – Ты в партии? – Кому ты это говоришь, – удивилась женщина. – Тебе. – Ты что, с ума сошла. Ему сотню раз говорила: ты не коммунист, не какой-нибудь другой – сиди в этом своем месте... – Уйти надо было ему куда-*

нибудь. – Зачем, кто он такой, из каких, должностей не имел, в депутатах не был, кто за ним смотреть станет...

Поднял красное знамя. А сын нынче лейтенант. Знаешь, Роза, – раньше ни разу она ее по имени не называла, – когда-то я тебя прокляла, это все ушло. Когда-то и Хатажук молод был, и это ушло» (Судьба одной женщины. С. 65-66).

Диалог примечателен тем, что тонко, филигранно вербализует две ментально-нравственные человеческие позиции, два женских характера, две женские психологии. Одна языковая личность, Роза, представлена тем, что разрушила семью, в свое удовольствие жила долгие годы с Хатажуком, нужды не знала, забот не имела; соответственно этому построена ее речь, она говорит словами жесткими, безапелляционными, не допускающими никакого компромисса – «*Тэцла ежь?* («А где он?»), вопрос в данном случае не содержит никакой соответствующей интонации; он несет в себе единственную мысль – как он посмел оставить ее, уйти, он должен быть рядом, и все, все иное не находит объяснения ни в ее душе, ни в ее несколько извращенном сознании. На ответ Щащи о том, что он ушел, Роза отвечает: «*Дэкыгъэп, клитхъугъ нахъ. Хэхъажьыгъ, лыгъэ хэль-эп*» («Не ушел, а сбежал. Скрылся. Не мужчина он»). Ее не волнует никакая чужая судьба, жизнь, ее заботит только ее собственная судьба, и не любовь руководит ею, а ожесточенное чувство ненависти. Напряженные, как натянутый провод, слова, выстроенные жестко, безжалостно-энергично, передают это ее состояние, хотя сами по себе слова кажутся простыми, такими, как у Щащи: «*Тэцла ежь?*», – говорит Роза, здесь фраза-вопрос как бомба, как еще не разорвавшаяся граната, но она обязательно при случае взорвется; а слова Щащи совсем другой тональности: «*Джы лофыжьэп, ари дэкыгъ*». В них содержится мудрая, спокойно-осмысленная, изнутри идущая удовлетворенность тем, что любимый человек успел скрыться от

врага, что передается, во-первых, союзно-усилительным словом «джы» (теперь), во-вторых, это подчеркивается и вторым словом «лофыжьэп», вернее, его аффиксивным элементом «жь». Таким образом, автор, используя стилистические возможности языка, раскрывает глубинные основания нравственных ориентиров двух женщин. Эта фраза несет в себе и дополнительную информацию. См.: «Джы лофыжьэп, ари дэжыгъ» – (подчеркнутые слова содержат радостную для Щащи мысль: и он ушел (в смысле, как и другие, дорогие ее сердцу люди). Фраза «ари дэжыгъ» естественно вызывает у Розы ярость, гнев.

Образно-выразительные средства вербализации ментального пространства у Аскера Евтыха чаще всего связаны с ритмико-интонационным построением внутренних монологов, несобственно-прямой речи, чрезвычайно богатой мыслями, оттенками мыслей, с исповедально-взволнованным характером повествования. Они помогают автору создать глубокие психологически своеобразные, крупные характеры людей, обеспеченные разным уровнем и разным содержанием нравственности и человечности. Щаща проявила нравственность и гуманизм по отношению к человеку (то есть к людям), который совершил против нее морально-духовное преступление. Это не игра в добродетели, а плоть от плоти народного, адыгского понимания нравственности, человеколюбия как высшая и совершенная форма «адыгства» (адыгагъэ).

Проблемы адыгства, «адыгагъэ», адыгского варианта нравственности, морали, этики, духовности всегда волновали Аскера Евтыха во всех его произведениях. Именно ложно понятая большинством читателей, партийными и журналистскими боссами концепция писателя идеи адыгства в романе «Улица во всю ее длину» вызвала бурю несправедливой критики в

адрес автора. Как все понятия, и адыгство имеет несколько ипостасей (при недобросовестном использовании его философии): адыгство как свод законов, правил поведения в обществе, как конституция, в которой уложены духовные, нравственные достижения народа на всем протяжении его развития; адыгство как принципы поведения, которые используются некоторыми в качестве орудия повелевания, унижения, оскорбления личности, именно с ссылками на адыгство, которые сопровождаются обычно словами: «ты не адыг» или «ты потерял свое адыгство». Лучшие из героев Аскера Евтыха (в любом из его произведений) всегда вооружены этим высоким, благородным понятием адыгства, которое не противоречит никаким нормам общечеловеческой морали, этики, нравственности и гуманизма.

В этом проявляется стилистическая организованность писателя, его совершенно четкая ориентация на способы вербального представления. То, что он сформулировал в процитированном тексте, скрупулезно исследуется по отношению к каждому из героев повести-рассказа «След человека». И вербализация феноменов нравственности, чести, простой человеческой порядочности осуществляется в каждом отдельном случае, конкретно проявляя частные, автономные характеристики этих важнейших понятий.

Национально-адыгскую программу и кодекс нравственности А. Евтых вербализует разносторонне, раскрыв эти ментальные феномены в контексте выработанных человечеством духовно-эстетических и морально-этических ценностей. Так оказывается вербально закрепленной основная заслуга писателя, философа, историка и гражданина, одного из больших художников отечественной литературы XX века Аскера Евтыха.

Примечания:

1. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. М.: Наука, 1991. 136 с.
2. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
3. Стернин И.А. Национальная специфика мышления и проблемы лакунарности // Связи языковых единиц в системе и реализации. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. С. 30-58.

References:

1. Novikov A.I., Yaroslavtseva E.I. Semantic distance in language and in text. M.: Nauka, 1991. 136 pp.
2. Pavilenis R.I. The problem of sense: modern logical and philosophical analysis of language. M.: Mysl, 1983. 286 pp.
3. Sternin I.A. National specificity of thinking and lacunarity problem // The relations of the language units in the system and realization. Tambov: TGU Publishing house, 1998. P. 30-58.